КАБИНЕТ
254
ПГ

Юридическое Издательство НКЮ УССР.

VII-Ч
4883

Проф. В. М. ГОРДОН.

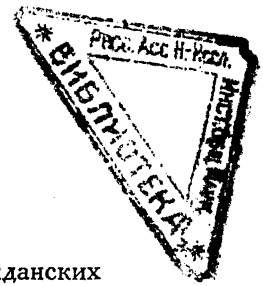
ДУХ ЗАКОНОВ ТОРГОВЫХ.

ХАРЬКОВ—1924.
Юридическое Издательство НКЮ УССР.
Харьков, Садово-Куликовская ул., д. № 9/2

Оттиск из № 10 „Вестника Советской Юстиции“ за 1923 г.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
175
31

Для торговли недостаточно общих гражданских законов. Нужны законы особые, специально для торговли предустановленные.

Есть, конечно, сделки, которые совершаются и как торговые, и как общегражданские. В существе нет различия между ними. Когда такая сделка является одной из совершаемых данным лицом в виде промысла, сделка является торговой. Совершаемая не в виде промысла сделка является общегражданской.

В торговлю входят и такие сделки, которые в виде общегражданских не совершаются. Это происходит, однако, не от той причины, что сделки такие в существе своем отличаются от общегражданских, но вследствие того, что, являясь подходящими для торгового оборота, они не нужны и не удобны для общегражданского обихода.

Единство сущности торговых и гражданских сделок внушает мысль, что как для одних, так и для других должны быть одинаковые законы.

Есть у нас Гражданский Кодекс, не нужно, значит, законов торговых. Если же в Гражданском Кодексе не предусмотрено правил для сделок, совершаемых по торговле, надо пополнить Гражданский Кодекс. Но вовсе не надо,—есть такое мнение,—создавать особые законы для торговли.

Социальное значение торговли требует, однако, иных законов для торгового оборота, чем для общегражданского. Дух торговых законов должен быть иной, чем дух законов гражданских.

Конечно, этот дух является теперь у нас не тем, что прежде, и не тем, каков он и теперь в других государствах.

Гражданское право каждого, кто его имеет, должно осуществляться, но не только не во вред дру-

гим. Наш Гражданский Кодекс требует большего. Он ожидает прямой пользы общественной от осуществления каждым его гражданских прав, коль скоро гражданскую правоспособность предоставляет отдельным гражданам „в целях развития производительных сил страны“ (ст. 4 Гражд. Кодекса). Соответственно этому, кто осуществляет свое право, но не содействует этим стране в развитии производительных сил ее, тот осуществляет свое право не так, как должно. Он плохо пользуется правом не только тогда, когда вредит при этом другому, но и тогда, когда своим правом не приносит пользы обществу, коллективу [1]). Он осуществляет право в противоречии с социально-хозяйственным назначением его, т.-е. с нарушением основного духа Кодекса (ст. 1).

Еще в большей мере должно служить общественной пользе торговое право. Целью его должно быть исключительно общественное благо.

Каждый деятель торговли должен быть только орудием, действующим для такой цели; собственная выгода его—только способ стимулирования к максимальным достижениям общественного значения. Обогащение торгующего необходимо лишь как результат наибольшего насыщения рынка продуктами общественной необходимости.

Для этой цели нужен тот способ давления, который давно применялся при выдаче патентов на изобретения. Дабы содействовать наибольшему распространению патентованного изобретения, владелец патента облагался налогом, прогрессивно растущим; чтобы быть в состоянии вынести тяжесть возрастающего налога, он поневоле должен был прилагать все усилия к тому, чтобы извлечь максимум выгоды из закрепленного за ним изобретения, а для этого распространять шире и шире общественно-полезное изобретение.

---

1) При том социальном этапе эволюции гражданского права, который наступил с появлением нашего Гражданского Кодекса, таково должно быть понимание того старого принципа „ne quis re sua male utatur“ (в переводе: „не пользуйся своим имуществом плохо“), о котором напоминает германский ученый проф. Гедеман, указывая основные принципы права, как права хозяйственного (Hedemann, Grundzüge des Wirtschaftsrechts. 1922, стр. 31).

Следуя тому же методу социального подстегивания, законодатель должен создать для торговли такие законы, чтобы торгующий, подстрекаемый погонею за личною выгодою, хотя-бы и с большим риском для себя, мог содействовать общественному благополучию, в виде доставления товара туда, где он нужен, и, при том, в максимально потребном размере.

По этим общим соображениям для торговли нужен ряд особенностей, отличающих торговые законы от общегражданских.

Законы торговые прежде всего должны быть рассчитаны на то, чтобы сделки, входящие в круг торгового оборота, могли быть совершаемы массовым образом, т.-е. в большом количестве. Из-за того, что лицу, совершающему сделки, желательно совершать их в массе, становятся неподходящими нормы гражданского права: обнаруживается необходимость приспособления их к тому, чтобы можно было с наименьшим количеством трудностей совершать наибольшее количество сделок. Эта потребность торгующего в том, чтобы, его деловой оборот носил массовый характер, породила обособление торговых законов от общегражданских. Необходимость, чтобы законы были наиболее пригодны для массового совершения сделок, является коренным основанием для целого ряда вытекающих отсюда особенностей. Лишь проникнутые этими особенностями законы торговые будут соответствовать хозяйственному назначению—служить для целей массового оборота [1]).

Торговое право с этой точки зрения представляет продукт приспособления законов, регулирующих

---

1) На значении признака „массового совершения" для выяснения роли торгового права очень подробно останавливается германский ученый Гек (Heck) в статье, посвященной специально вопросу „Чего ради существует, обособленно от гражданского права, право торговое?" в журнале „Archiv für die civilistische Praxis", том 92-ой (1902 год), стр. 438 и сл. Существование торгового права, говорит автор (стр. 464), вызывается потребностями „des rechtsgeschaftlichen Massenbetriebs".

Этому же вопросу в недавнее время уделил много внимания базельский проф. Карл Вилянд (Wieland) в его Handelsrecht 1921 г., особенно стр. 136 и сл.

единичные гражданские действия, к массовому совершению их.

Практическим результатом этого приспособления является тот особый дух, которым должны быть проникнуты законы для торговли. Выражается этот дух в целом ряде проявлений крупного практического значения.

1. Призванные к нормированию массового оборота, эти законы не могут не ослаблять формализма. В общегражданском обороте он допустим, ибо юридическая сделка—явление не массовое; соблюдение формальностей, сопряженных с совершением сделки, не отзовется чувствительным образом на темпе делового оборота. Формализм может играть даже положительную роль в гражданском обороте, заставляя контрагентов тщательно продумывать каждую деталь такого непривычного для них и важного в жизни их события, как сделка. Иное дело—торговый оборот. Сделка здесь обычное дело. Детали ее—дело простого заполнения шаблона. Одна сделка похожа на другую. Формализм может только вредить, задерживая жизненно-необходимую быстроту оборотов машины торгового дела. Медленной ручной работе в общегражданском обороте соответствует механическое, машинное производство торговли.

Поэтому, когда законодатель усиливает формализм для сделок, например, о строениях, эти сделки к числу торговых не могут относиться; в виде редкого примера, можно указать итальянское законодательство, по которому могут быть торговыми и сделки о недвижимости.

2. В торговом обороте имеется в виду массовое совершение сделок, и ради этого уменьшается формализм, опекающий контрагента в гражданском обороте. Последовательным и целесообразным является, чтобы торговые законы проводили для торгового оборота, если это не делается уже законами гражданскими, принцип индифферентизма к слабостям и особенностям положения личности.

Торговые законы не могут,—подобно тому, как случалось с законами гражданскими,—оказывать снисхождение ни к полу, ни к возрасту, ни к тому по-

ложению, в котором оказывается торгующий контрагент,—например, при пропуске срока для протеста векселей, хотя бы это произошло под действием непреодолимой силы,—ни к размерам ущерба,например, при уменьшении по суду неустойки.

3. Соображение о массовом характере торговых сделок заставило торговый оборот придумать и развить, так называемый, символический способ переноса прав на вещи с одного лица на другое. Этой цели служит ценная бумага. В нее можно воплотить целые горы хлеба, сложенного на складе. Передача накладной заменяет сложную пересылку и перегрузку товаров. Достижения в этом направлении могут доходить, однако, до крайности. Передача накладных может вызывать искусственное поднятие цен. Тогда обращаются к такому средству, как законодательное ограничение круга лиц, которым могут передаваться накладные; это сделано у нас Постановлением ЦИК'а и СНК СССР от 27-го июля 1923 г. („Известия ЦИК'а" от 2 августа 1923 г., № 172).

4. Массовый оборот торговли,—уже по массовому признаку,—сопряжен с риском: торгующий берется за рискованное дело. Кто делает это, должен нести усиленную ответственность подобно всякому, кто эксплоатирует стихийную силу, с которой совладать не может.

В виду этого надо в законах торговых фиксировать, что торгующий несет ответственность не конкретную, а абстрактную, а потому не может оправдываться тем, что он и в других делах своих проявляет ту степень внимания, как и в данном.

Должна быть, засим, установлена ответственность владельца торгового предприятия за всякий, даже и случайный, вред, проистекающий от этого предприятия.

В ограждение публики, которая может пострадать из-за неправильных деловых расчетов своего контрагента, торговые законы не могут не выставлять таких обязанностей, как ведение торговых книг.

5. Внимание к массовому обороту не может не побуждать творца торговых законов идти в разлад со строгим проведением принципов об-

щегражданского права. Гражданское законодательство дольше, чем торговое, держится правила „никто не может передать другому таких прав, каких сам не имеет". Массовый оборот заставляет идти на то, чтобы добросовестное приобретение вещи в собственность считать окончательным, хотя передающий не был собственником. Нарушается указанный принцип и в случае продажи вещей через комиссионера: не будучи собственником вещей и не становясь таковым ни на одно мгновение, он передает покупщику право собственности на них.

6. Близко к указанной только что особенности и в связи с отступлением от принципа „никто не может передать другому больше прав, чем сам имеет", стоит ограничение виндикации в торговом обороте. В настоящую пору допустимость виндикации подверглась ограничениям и в сфере общегражданской. Но здесь сказалось влияние торгово-правового духа на область чисто гражданских отношений или, иначе, произошло явление коммерциализации гражданского права. Явление это знаменует статья 60 Гражд. Кодекса. От лица, которое приобрело добросовестно имущество не от собственника, последний, в виде общего правила, не вправе истребовать имущество; он может сделать это лишь в виде исключения, только в случаях, когда это имущество было собственником утеряно или у него похищено. Коммерциализации не подверглось, однако, право государственных учреждений на виндикацию; они имеют право на имущество, незаконно у них отчужденное, независимо от того, каким бы способом ни вышло оно из их рук.

Духу же торгового оборота более свойственна была бы полная недопустимость виндикации имущества, хотя бы и незаконно вышедшего из рук собственника, если только не установлена недобросовестность приобретения его лицом, против которого виндикация направляется.

В этом сказывается свойственный торговому праву дух трансперсонализма, для которого общественное превыше частно-личного и для которого благо индивида ценно постольку, поскольку через него достигается общественное благо.

Духом трансперсонализма может быть проникнуто, однако, гражданское право вообще, а не только торговое право, составляющее специальную и притом передовую часть гражданского права. Так, духом трансперсонализма проникнуто действующее у нас сейчас право, регламентируемое Гражд. Код., коль скоро в этом последнем есть ст. 4-ая, указывающая, что правоспособность гражданская дается для целей развития производительных сил страны. Но в торговом праве дух трансперсонализма проявляется иначе, чем в гражданском; в торговом обороте, в отличие от гражданского, не принимаются во внимание особенности и положение личности контрагентов. Поэтому в гражданском обороте возможно, напр., уменьшение неустойки в случаях, предусмотренных у нас в ст. 142 Гражд. Код. Для торгового оборота такое внимание к личным затруднениям контрагентов принципиально было бы неправильно. Примером различия по этому предмету между гражданским и торговым правом является германское законодательство. Германское Гражд. Уложение, в ст. 343, как и наш Кодекс в ст. 142, допускает уменьшение неустойки. Торговое же уложение, в ст. 348, прямо оговаривает недопустимость такого уменьшения в торговом обороте.

7. Общественный интерес, обслуживаемый торговым оборотом, требует особого подхода торговых законов к принципу свободы договора. В отношении этого принципа произошла уже трансформация и в области гражданского права. Но потрясение такого старого устоя гражданского права, каким была долгое время свобода договора, произведено было требованиями торгового оборота. Раз торговое предприятие принципиально предназначено служить интересам общественности, оно не может быть свободным в выборе контрагента: оно не может вступать в договор с одним и отказываться вступить в такой же договор с другим. Торговые законы должны поэтому установить для торгового оборота в потребных случаях принцип обязательности вступления в договор.

Наряду с этим отступлением от принципа свободы договора, торговые законы должны зафикси-

ровать и еще одну особенность, потребную для торгового оборота. Быстрота совершения массовых сделок торгового права требует того, чтобы контрагент, предлагая публике вступать с ним в договорные отношения, заранее фиксировал свои условия (отсюда понятие „prix fixe“) и диктовал публике эти условия (отсюда понятие „диктуемый договор“, представляющее буквально перевод немецкого термина „Dictierter Vertrag“). Публике,—ибо к этому безличному контрагенту обращается предложение при заключении торговой сделки,—остается или воздержаться от вступления в сделку, или же вступить в нее, подчинившись предложенным условиям; договорам этого рода французы (проф. Салейль) дали название „contrats d'adhésion“ или „contrats par adhésion“ (в переводе: договоры через присоединение).

Пример проявления принципа „обязательности вступления в договор“ представляет договор железнодорожной перевозки; „перевозка пассажиров и грузов“,—гласит ст. 2-ая Устава жел. дор.,—„составляет обязанность каждой открытой для общего пользования жел. дороги“. Диктуемый же договор или, по французской терминологии, contrat d'adhésion, заключается в любом магазине, где происходит торговля „без торга“, „prix fixe“ [1]).

8. В области гражданского права, при единичности и случайном характере совершения сделок, большой устойчивостью может обладать принцип исполнения договора по точной букве его, принцип „pacta sunt servanda“. Торговый же оборот, при массовом совершении сделок, не может мириться с колоссальностью убытков, сопряженных с падением ценности денег. Чрезмерность убытков недопустима в торговом обороте не по той только причине, что это отражается на кармане торгующего, но и потому, что ущерб при денежных расчетах влечет за собою повышение цен на товар и вследствие этого понижает доступность его для публики. Вследствие этого для законодателя, регламентирующего отно-

[1]) Прекрасный охват и юридический анализ отмеченных явлений дает германский ученый Ниппердей (Prof. Hans Carl Nipperdey, Kontrahierungszwang und dictierter Vertrag, 1922 г.).

шения по торговле, неизбежно необходимо создавать правила учета падения рубля при расчетах по исполнению обязательств. Отсюда вытекает необходимость, чтобы для торгового оборота существовали особые, чем для оборота гражданского, законы; в этих законах должно быть предусмотрено, что договор подлежит исполнению по точной букве его лишь при условии, если остаются не изменившимися экономические обстоятельства, при которых заключен договор; говоря технически-юридическим языком, при исполнении обязательств должна быть в виду, как сама собой разумеющаяся, оговорка о неизменности обстоятельств („clausula rebus sic stantibus"[1]). Для того же, чтобы расчеты по обязательствам были наиболее экономически безвредными, в законах для торговли должны быть выработаны особые правила расчета, напр., правила о поправочном коэффициенте. Такие правила существуют у нас. Таково постановление СНК УССР от 5-го декабря 1922 года (Собр. Узак. 1922 года, № 53, ст. 757), воспринявшее с некоторыми изменениями принципы постановления СТО от 2-го ноября 1922 года. Эти правила регулируют расчеты по сделкам, заключенным между какими бы то ни было контрагентами в золотой валюте; поправочными коэффициентами являются, в зависимости от момента заключения сделки,—0,3 и 0,7. Кроме того, для сделок между госорганами, заключенных в дензнаках, действует постановление СТО от 14-го сентября 1923 года (нигде еще не распубликованное; здесь поправочные коэффициенты приняты те же самые, но для применения их указаны иные периоды времени [2]).

---

[1]) По этому вопросу надо иметь в виду книгу *Böckel*, Die Werärderung der Wertragsgrundlagen, 1922.

[2]) Значение поправочных коэффициентов по декрету 5-го декабря 1922 г. выражается в следующем. Если сделка, напр., на сумму 200 рубл. зол. заключена была до 12/IX-22 г. и расчет производится 8/XI-23 года, то по ст. 3 применяется коэффициент 0,3, и уплате подлежит 200×0,3, т.-е. 60 рублей с переводом на курс рубля в день уплаты долга. Если такая же сделка заключена была между 12/IX и 22/XI, то, по статье 4-й того же декрета, поправочным коэффициентом берется 0,7; в таком случае подлежит уплате 200 руб.×0,7, т.-е. 140 рублей, с переводом на курс рубля в день уплаты долга.

Если же такая сделка заключена после 22/XI—1922 года, то в силу ст. 5-ой названного декрета, расчет производится без

В мирное время такая задача, как создание правил об учете падения рубля, могла быть не выдвигаема. Во время же войны и революции, а особенно в периоды за ними следующие, нельзя не считаться и с такими социально-экономическими уроками войны и революции [1]).

9. Если для торгового оборота важно массовое передвижение товара, то помехою были бы для этого черты, характеризующие общегражданский з а л о г; таковыми являются передача залога в руки залогодержателя и начало специальности залога. Торговые законы должны установить здесь свои особенности. Они не могут не санкционировать допустимости так называемой „и п о т е к и д в и ж и м о с т и", т.-е. залога товара без передачи его в руки залогодержателя, а также допустимости з а л о г а н е с п е ц и а л и з и р о в а н н о г о и м у щ е с т в а, но определенного количества товара, изменяющегося в его составе во время существования залогового права на него [2]).

На необходимость допущения залога товара „на ходу" или „в обороте" указывалось со стороны заинтересованных практических кругов. Заложенные товары,—высказывались пожелания,—должны находиться в обороте, заменяясь все время другими товарами; залогодателю же надлежит только заботиться о том, чтобы на его складах было товаров не на

поправочного коэффициента, и уплате подлежит сумма 200 рублей с переводом на курс рубля в день уплаты долга.

Разработку вопроса о применении поправочных коэффициентов дает С. И. В и л ь н я н с к и й в Вестн. Сов. Юстиции, 1923 г., № 9; указана здесь и предшествующая литература.

[1]) Не даром в Германии создались и ряд законов, и специальная литература, посвященные проблеме обесценения денег „Geldentwertung". Стоим и мы перед этими вопросами. Работает и наш законодатель. Работа идет и в кругах юристов и экономистов. Этой работе посвящен был ряд заседаний Украинского Совета с'ездов трестированной промышленности. Особо должно отметить прекрасный доклад по этому предмету, прочитанный проф. В. М. К о р е ц к и м и в части напечатанный в журнале „Народн. Хозяйство Украины", 1923 г., № 1—3.

[2]) Соответственные виды торгового залога и намечены Украинским Комвнуторгом. Проектированы такие положения:

„По соглашению сторон заложенное имущество может быть оставлено во владении и пользовании залогодателя; в этом случае на заложенное имущество кредитором накладываются легко рас-

меньшую сумму, чем та, которая обозначена в акте, устанавливающем залоговое право [1]).

10. Массовый характер торгового оборота делает не только лишнею, но нередко и вредною, конкретную законченность каждой отдельной сделки. Вследствие этого законы торговые должны проводить в торговый оборот начала абстрактности, безличности и других видов незаконченности сделок.

Эти начала имеют весьма важное практическое применение в целом ряде явлений торгового оборота:

а) Прежде всего нужно назвать бланкетные обязательства, т.-е. такие, в которых по тем или иным пунктам имеется пробел (отсюда и термин „бланковый" или „бланкетный" от французского слова „blanc", по-русски „белый"). Сюда относятся обязательства, в которых не обозначается основание их возникновения; таков, например, вексель; эти обязательства носят специальное название абстрактных. Засим идут бумаги на пред'явителя, где не обозначается имя кредитора; далее—бланковый индоссамент, т.-е. передаточная надпись без обозначения имени лица, которому передается право требования; могут быть и такие бланкетные обязательства, где имеется лишь подпись должника, весь текст же обязательства составляет сплошной пробел; таковы вексельные бланки с подписью векселедателя [2]).

познаваемые знаки (клейма, печати и т. п.), свидетельствующие о залоге, и перемещение заложенного имущества допускается только с согласия кредитора.

При залоге товаров с оставлением их во владении залогодержателя, последнему по соглашению сторон может быть предоставлено право распоряжаться заложенными товарами с принятием на себя обязательства постоянно пополнять убывающий товар товаром того же качества и количества с тем, чтобы к сроку платежа по обязательству, обеспеченному залогом, заложенные товары были в том же самом количестве, в том же соотношении сортов и того же качества, как они были приняты в залог. В этом случае знаки, свидетельствующие о залоге, могут не накладываться".

[1]) „На новых путях"—итоги новой экономич. политики 1921—22 г., сборник, изданный Московским СТО, 1923 г., стр. 304.

[2]) По вопросу о бланкетных обязательствах: проф. Л. С. Таль в „Вестнике Права", 1917 г., № 3; здесь указан

б) Начало безличности может проявляться и в том, что бумаге именной придается свойство безыменной, так как заключая в себе обозначение имени первоначального кредитора, бумага не может, конечно, именоваться бумагою на пред'явителя [1]). Такое применение началу безличности дал недавно Совет Народных Комиссаров СССР; по декрету 9-го октября 1923 года („Извест. ВЦИК'а", № 242), именная сберегательная книжка с разрешения владельца, дает право получения вклада каждому пред'явителю.

в) Это же начало безличности проявляется и в акционерной форме строения суб'ектов торгового права; при такой форме предприятие оказывается принадлежащим не поименно определенным лицам, но любым держателям акций; отсюда и наименование акционерных компаний анонимными (sociétés anonymes); предприятие акционерной компании оказывается предприятием „на пред'явителя".

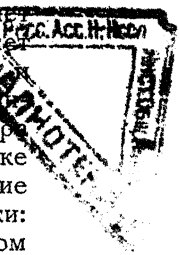
г) Начало безличности и допустимой незаконченности сделок проявляется в отношении обозначения и предмета их, и цены, и срока.

Для достижения массового совершения сделок является более целесообразным, чтобы предметом сделки был не индивидуально определенный предмет, но товар лишь определенного типа. В гражданском обороте требуется конкретизация или спецификация предмета сделки. Для торгового же оборота все это лишнее затруднение. Здесь нужна типификация товара. Обозначение качеств его должно производиться по шаблону, классу или штандарту,—т.-е. по указному образцу, — единообразному для всех сделок данного рода. Соответственно этому, духу законов торговых соответствует шаблонизация, классификация или штандартизация предметов сделки. По Гражданскому Кодексу существенными, во всяком случае, признаются предмет договора, цена и срок (ст. 130). Для торгового же закона

предшествующая литература. Специально о вексельных бланках: проф. А. Э. Вормс в сборн. в память Шершеневича, 1915 г.

[1]) Явление именных бумаг с пред'явительским эффектом отмечено в ст. 202 выработанного Комвнуторгом при СТО проекта Торгового Свода, 1923 г.

такое предписание в качестве непреложного было бы принципиально неправильным. Недаром в германской торговой практике прямо допускается, что пункт договора, касающийся предмета его, может оставаться открытым (freibleibend). Он может оставаться открытым, ибо может быть выяснен не путем индивидуального обозначения, а по стандарту, указывающему „среднее качество" товара для всех сделок о данном товаре. В торговой сделке может быть не указываемо точно и соотношение между весом товара с упаковкой и весом упаковки: отношение между „брутто" и „тарою" в торговом обороте требуется одинаковое для всех сделок данного рода, т.-е. должно быть типичное.

д) Не менее предмета существенны для договора цена и срок исполнения. Но в отношении их торговый оборот допускает в своих сделках открытые места; он считает их не менее необходимыми для подобающих случаев, чем для других определенность по всем пунктам.

Особенность открытых мест заключается здесь в том, что определение предмета, цены и срока отодвигается от момента заключения договора к одному из последующих моментов существования договорных отношений. Существенным добавлением к этой особенности является то, что предмет, цена и срок определяются не соглашением контрагентов. Открытые места в договоре заполняются при посредстве установившихся на практике типичных форм или шаблонов, выработавшихся для случаев подобного рода.

Вследствие этого не лица, участвующие в сделке, могут оказываться влияющими на существенные пункты отдельной сделки, но общий шаблон для всех сделок одного и того же рода, вырабатываемый обезличенным торговым оборотом[1]).

Проявлением начала безличности в торговом обороте представляется также необходимое для этого

---

[1]) Подробнее об этом см. Prof. Müller-Erzbach, Das unpersönliche des Welthandels,—в Zeitschrift f. d. g. Handelsrecht, том 86,1922 г., стр. 121—143; также: Entwicklungstendenzen des Welthandels,—в труде того же автора „Deutsches Handelsrecht", 3-e Lieferung, 1922 г., стр. 526 и сл.

оборота правило о том, что наличность права вступления в торговую сделку может быть определяема по внешнему облику или по наименованию торгового деятеля, а не на основании подробно обозначенных отдельных полномочий его.

Поэтому в торговых законах не может не быть указано, что „торговые служащие" в магазинах или открытых для публики складах признаются управомоченными на совершение юридических действий, являющихся обычными для рода их занятий.

В законах торговых должно быть указано и на широкий круг полномочий, устанавливаемый, при том, не в каждой отдельной доверенности, а в самом законе,—тех лиц, которым предоставляется „действовать по своему усмотрению на правах хозяина" или, применительно к германской терминологии,— в качестве прокуриста, представляющего полного заместителя хозяина[1]).

11. Массовый характер сделок, совершаемых, из-за расчета на массу, без внимания к особенностям личного положения контрагентов, имеет своим последствием то, что безмездность никогда не предполагается в торговом обороте, но может иметь место лишь в случаях, когда это прямо выражено в договоре. Поэтому, например, если договор комиссии совершается как торговая сделка, комиссионное вознаграждение подлежит уплате, хотя бы об этом не было особого соглашения.

12. Массовый характер торговых сделок делает целесообразным, чтобы для совершения их не было помех со стороны различия в законах разных стран; сделка, совершенная в России, должна иметь такую же силу внутри России, как и за пределами ее. Национальные особенности законов, регулирующих торговые сделки, противоречат стремлению к массовому совершению этих последних. Отсюда вытекает, что торговым законам свойствен космополитический характер. Было бы вредно для торгового оборота, если бы действи-

[1]) Нормы соответственного содержания намечены Украинским Комвнуторгом для введения в наши будущие торговые законы. Нашли они выражение и в московском проекте Торгового Свода (ст. 32 и 36).

тельность сделки обсуждалась по иным законам для граждан одного государства, чем для граждан другого. Целесообразно, поэтому, возможно большее единение законов всего мира, например, в области вексельного права; очень много уже и достигнуто в деле создания единого для всего мира вексельного законодательства.

Космополитизм торгового оборота способствует обострению духа торговых законов. Предназначаемые для действия вне узкой территории одного государства законы торговые утрачивают свои местные особенности, проникаются еще большим характером независимости от свойств личности контрагентов.

Раз законам торговым должен быть свойствен особый дух, особыми от законов гражданских должны быть торговые законы.

Конечно, эти особые законы с течением времени станут общегражданскими, произойдет коммерциализация гражданского права. Но по мере коммерциализации жизнь заставит создать новые законы торговые. То, что было законом торговым, станет с течением времени законом гражданским. Бурные воды Арвы вливаются в голубые волны Роны и сливаются с ними, но на место влившихся появляются с гор новые. Новые торговые законы всегда будут иметь место, но также всегда будут входить постепенно в обще-гражданские, заменяясь новым притоком торговых законов[1]). Содержание же торговых законов может быть установлено не иначе, как с применением Эйнштейновской идеи относительности: относительно к каждому данному моменту законы торговые отличны от гражданских. Последующее слияние их не освобождает законодателя от обязанности дать особое место законам торговым, наряду с действующими в тот же период жизни законами гражданскими.

---

[1]) Большого внимания заслуживает по этому вопросу книга Charles Laurent, De la fusion du droit civil et du droit commercial, Paris, 1903.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Харьков.
Типо-литог.В.-Р. С. У.В.О.
имени Фрунзе.

РУП 5212. Зак. 4565. Тираж 1.000.